pyd. - 1999. - 30 anp. - C. 16 Рубрике "Уроки любви" исполнилось пять лет. За это время на страницах «Труда»

опубликовано более семидесяти очерков о писателях и о тех женщинах, которые тоже вдохновляли прославленных мастеров слова, "властителей дум" на создание романов, повестей, стихов, поэм, пьес. Из читательских писем мы знаем, что многие собирают наши публикации, теперь у них дома маленькая, но по-своему уникальная

Мы вряд ли ошибемся, предположив, что и другие хотели бы иметь такую. "Труд" энциклопедия человеческих страстей. поможет в этом. В нынешнем году мы намерены выпустить опубликованные на газетных страницах очерки отдельным изданием. "Уроки любви" — так и будет называться эта книга. О том, где и как приобрести ее, мы сообщим дополнительно, но некоторые из наших подписчиков смогут получить ее бесплатно, да еще с автографом автора. Для этого надо будет прислать в редакцию копию подписной квитанции на второе полугодие 1999 года. Всех, конечно, не удовлетворить, но тридцать счастливчиков определит жребий. Их имена мы опубликуем в одном из осенних номеров.

хал. Теперь уже он ждал ее в Петербурге, и она — надо отдать ей должное — долго ждать себя не заставила: сразу после возвращения имеет в виду самоубийство - оно, в город переехала к нему. С веща-

ное, что ей удалось преодолеть,

это тяжелую инерцию Федора Со-

логуба. Хотя на первых порах он всячески сопротивлялся ее иници-

ативам. На носу было лето, она ре-

шила вытащить засидевшегося дома малоподвижного литератора

на природу, даже дачу нашла — неподалеку от той, где будет сама

жить, но он ответил твердым отка-

зом. В другом месте провел лето, в селе Суйда под Гатчиной, где Анас-

тасия Николаевна время от време-

20 августа Сологуб с дачи съе-

ни навещала его.

поэт федор сологуб сложил ее для погибшей жены

INATPYWEBA

ные смерти (только что тихо угас Блок) — на этом фоне не выглядело чем-то из ряда вон выходящим расклеенное на обшарпанных стенах петербургских домов объявление сулившее три миллиона рублей тому, кто укажет, где находится больная женщина, ушедшая из дому 23 сентября, худая, брюнетка, лет. 40, черные волосы, большие глаза, небольшого роста, обручальное кольцо на руке; была одета в темно-красный костюм с черным, серое пальто, черная шелковая шляпа, серые валенки. Имя — Анастасия Николаевна' Объявление было отпечатано типографским способом, но сохранил-

И в спокойные-то, благополучные времена люди вдруг уходят из дому и не возвращаются, бесследно пропадают, а то были времена очень даже неспокойные, очень даже неблагополучные. Плохие времена... Петроградская осень 1921 года. Голод, холод, быстрые и неожидан-

ся и рукописный экземпляр. Он пространней и эмоциональней типографского. Если в последнем скупо сказано: "Сообщить по адресу — Васильевский остров, 10-я линия, д. 5, кв. 1", то в первом, писанном от руки, это звучит следующим образом: "Умоляем сообщить о ней (эти четыре слова подчеркнуты двойной жирной чертой) — будем бесконечно благодарны за всякое сведение.

И — в самом низу: "По желанию вознаграждение", что тоже подчеркнуто, но уже одной чертой

Таким образом, текст подвергся редактуре, и, кажется, это был единственный случай, когда написанное Федором Сологубом а объявление сочинил он столь радикально правили. В то время он был уже мэтром, живым классиком, всероссийской зна менитостью, к каждому слову которого относились с благогове-

Его настоящая фамилия — Тетерников. Федор Кузьмич Тетерников.. Закончив учительский институт, в течение долгих десяти лет преподавал математику в захудалых уездных городках, о чем впоследствии — и на это тоже ушло десятилетие — написал роман "Мелкий бес ставший самым знаменитым его произведением.

Главный герой "Мелкого беса" Передонов многим читателям напомнил "человека в футляре" (чеховский рассказ незадолго до этого увидел, свет) — это с одной стороны, а с другой — в нем усмотрели пусть и шаржированный, но портрет самого автора, также укрывшегося в своего рода "футляре".

Ему давно перевалило за сорок, но он оставался холостяком и не помышлял менять образ жизни. Вот каким впервые увидел его начинающий поэт Владислав Ходасевич: "Сидит мешковато на кресле, нога на ногу, слегка потирает маленькие, очень белые руки. Лысая голова темя слегка заостренное, крышей; вокруг лысины — седина. Лицо чуть мучнистое, чуть одутловатое. На левой щеке, возле носа с легкой горбинкой, — большая белая бородавка. Рыжевато-седая борода клином, небольшая, рыжевато-серые висящие вниз усы. Пенсне на тонком шнурке, над переносицей складка, глаза полузакрыты. Когда Сологуб их открывает, их выражение можно передать вопросом: а вы все еще существуете?

Федор Кузьмич, однако, не на всех смотрел таким взглядом -

было одно исключение. Одно-единственное... Как раз в то самое время, когда молодому Ходасевичу выпала честь впервые лицезреть мастера, этот флегматичный господин совершил нечто невероятное. Во всяком случае, для него.

В России давала гастроли великая итальянская актриса Элеонора Дузе. И вот вместо того, чтобы отправиться на спектакль с ее участием, Сологуб предпочел ресторан куда его пригласила некая дама. (То был облюбованный петербургской художественной элитой ресторан "Вена", что располагался на Малой Морской). Пригласила, а сама не пришла, хотя он телеграфировал, что будет непременно.

"Ай-ай-ай, как нехорошо! Вы же знаете, как я был бы рад случаю побеседовать с Вами, - и обманули, выражаясь элегантным стилем И я должен был сидеть, пить вино... Потом с горя проигрался в лото"

Это письмо пусть с мягкими, пусть с полушутливыми, но все же упреками было написано в ночь с 12 на 13 января 1908 года, уже под утро: расстроенный тем, что дама не пришла, Федор Кузьмич не мог заснуть.

А все началось несколько месяцев назад с банальной просьбы дать автобиографию - просьбы, на которую он, естественно, ответил отказом. Да еще отчитал просительницу, которая, затеяв сборник автобиографий современных писателей, не потрудилась даже выяснить, что Сологуб — это не фамилия, а литературный псевдоним. Тем не менее он не прочь, чтобы она ознакомилась с его сочинениями, и даже изъявляет желание выслать любую из своих двенадцати книг. (На тот момент их у него вышло ровно дюжина). Более того, когда она проявляет интерес к еще не опубликованной второй части трилогии "Навьи чары", автор выражает готовность прочесть написанное.

Теперь они уже не только переписываются, но и встречаются, причем если прежде он церемонно звал ее "Многоуважаемая Анастасия Николаевна", то теперь в письмах — а стало быть, и при личном общении все чаще звучит: "Милая Плакса Николаевна". А то и просто: "Милая Плакса"

Глаза у нее и впрямь были на мокром месте: нервы. Или, как поставил диагноз сам Федор Кузьмич в посвященной ей статье: "Чрезвычайная впечатлительность и нерв-

Рано лишившись матери, которая покончила с собой, когда дочери было три года, жила с мачехой, а потом и вовсе одна: отец умер. 'Судьба была ко мне немилосердно жестока, - писала она в канун своего тридцатилетия, незадолго до знакомства с Сологубом. — Только дразнила, заставляла преодолевать невероятные препятствия"

Она преодолевала: училась в лучших учебных заведениях Москвы и Парижа, одновременно зарабатывая на кусок хлеба частными уроками и литературной поденщиной. Много переводила, причем некоторые ее переводы — например. Мопассана, - публикуются и поныне. Но главми. Насовсем... Официально мужем и женой они станут лишь шесть лет спустя, но ни его, ни ее не волновали подобные формальности.

Три месяца назад, в последний день весны, накануне Троицы, он написал ей: "Счастье — пустяк; все дело только в том, чтобы чувствовать себя достойным счастия. И Вы сами хорошо знаете, что данного счастия нет, - есть только счастие творимое"

Она восприняла его слова как наказ, как программу действий и стала с присущей ей энергией программу эту выполнять.

Недавний затворник узнал благодаря ей вкус другой жизни, и жизнь эта, надо сказать, пришлась ему по вкусу. Шумные и приветливые гости, букеты цветов, шампанское, розыгрыши и шутки — посреди этого моря веселья он возвышался со своим лысым черепом, как скала, попрежнему малословный, но довольный и счастливый.

Но она создала не

только салон, ставший одним из самых блестящих художественных салонов тогдашнего Петербурга, она — и это было, конечно, много труднее - "создавала" и Федора Сологуба, в то время еще не оцененного по достоинству, лепила в общественном сознании его образ или, как сказали бы мы теперь, делала ему паблисити. Сама писала статьи о нем — писала вдохновенно и проницательно: собирала то, что писали другие, чтобы впоследствии издать отдельной книгой (и издала-таки!); делала заметки о том, как лучше поставить ту или иную его пьесу; принимала активнейшее участие в подготовке лекций, с которыми он триумфально объездил всю Россию. Словом, была, по выражению одного близко

теле литературы' Сологуб ценил это. Он посвятил ей множество стихов, целые циклы и даже отдельные сборники. Читаешь их, и создается впечатление, что этот человек, наделенный недюжинным терпением, редким спокойней устойчивостью, почти полвека ждал, не размениваясь на других дам, свою единственную, Богом предназначенную Женщину.

знавшего их обоих человека, "рья-

ною, ревниво страстною послушни-

цей при настоящем священнослужи-

Ты только для меня. На мраморах иссечен Двойной завет пути, и светел наш удел. Здесь наш союз несокрушимо вечен, Он выше суетных, земных, всегдашних дел.

Выше-то выше, но от земного тоже ведь никуда не денешься. Не спрячешься, не убежишь... А желание такое - убежать - появилось после революционных катаклизмов 17-го года и больше не покидало их. Из просторной и благоустроенной квартиры, некогда бывшей одним из центров культурной жизни Петербурга, их выселили, реквизировав и мебель, и одежду, и книги, так что теперь они прозябали в мало приспособленной для жилья нетопленной комнатенке

Наконец разрешение на отъезд за границу было получено, но тут с Анастасией Николаевной стали про-

исходить странные вещи. В начале сентября она прислала сестре записку, в которой просила немедлен-но прийти к ней. "Я очень плохо себя чувствую, боюсь, что заболею, как Сестра сразу поняла, о чем речь:

о наследственной болезни, которая унесла в могилу их покончившую с собой мать. То же случилось с одной из сестер. Да и Анастасия уже дважды была на краю гибели, из последних сил противясь тому, что Сологуб называл "вожделением смерти" и определял его как "сладостнейшее". При этом он, с молодых лет писавший о смерти много и страстно, оговаривался, что не по его мнению, "признак большой

слабости". Но это справедливо при менительно к здоровому человеку, а тут — болезнь. В течение многих лет она, затаившись, не давала о себе знать, и вот теперь из-за чрезмерного физического и нервного напряжения обострилась. Ослабшая женщина боялась, что справиться с нею не удастся. Призвала на помощь сестру и об одном просила: не оставлять в случае чего Федора Кузьмича.

Вечером 23 сентября, оказавшись ненадолго одна (Федор Кузьмич пошел в аптеку за бромом для нее), выскользнула из дому и прыгнула с Тучкова моста в воду. Кто-то видел это, но тела не нашли, и Сологуб упорно отказывался верить в гибель жены. Тогда-то и написал объявление с просьбой указать местопребывание пропавшей женщи

Певец смерти, на сей раз он не верил в смерть. Садясь обедать один ли, при гостях, — ставил при-бор и для Анастасии Николаевны: на случай ее внезапного возвращения. А потом надевал потертое пальто, выходил из дому, долго бродил по городу, останавливаясь у за мерзшей воды, и в голове сами по себе складывались строки:

В мире нет желанней цели, Тяжки цепи бытия. Спи в подводной колыбели Настя бедная моя.

Стихи называются "Колыбельная Насте", под ними дата: 30 ноября 1921 года и место появления на свет: "Санкт-Петербург. Улицы"

Так продолжалось всю зиму Даже когда река по весне вскрылась и тело всплыло, а он, приглашенный для опознания, подтвердил (документ этот сохранился): "найденный труп это моей жены Анастасии Николаевны Сологуб", смерть все равно не поверил.

"Она отдала мне свою душу, писал он, — а мою унесла с собой. Но как ни тяжело мне, я теперь знаю, что смерти нет. И она, любимая, со мною"

После ее гибели он прожил еще шесть лет. За границу так и не уехал: зачем? "Богато уставленный всякими яствами стол, — но все эти яства вдруг обратились в пепел, вот что мне осталось после ее ухо-

ла от жизни". И добавил: "Такая жизнь — на что

О ней были его последние слова

 на смертном уже одре. Когда-то Анастасия Чеботаревская просила Федора Сологуба написать хоть несколько строк для задуманной ею книги писательских автобиографий. Замысел воплотить в жизнь не удалось, но многие другие свои планы она осуществила, в том числе и уникальный сборник Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века". Почти сто авторов представлено в нем, в том числе и Федор Сологуб.

"Все мы любим так же, как понимаем мир. История любви каждого человека — точный слепок с истории его отношений к миру вообще"

Правда, это не письмо, это предисловие, которое он написал к составленной женой книге, но в конце концов все, что написал он после встречи с этой женщиной, было прямо или косвенно обращено к

Руслан КИРЕЕВ.